

Как повысить самооценку на мировой арене МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС КАК ВАЖНАЯ ЦЕЛЬ В РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 445
Октябрь 2016 г.

Михаил Троицкий¹
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)

За последние четверть века США и Россия не раз заявляли, что не имеют враждебных намерений в отношении противоположной стороны. Тем не менее им не удается избежать регулярных обострений напряженности. Эта «ненужная вражда» может иметь своим объяснением феномен под названием «дилемма статуса», концепция которого перекликается с более широко известной «дилеммой безопасности».

В недавно опубликованной книге «Статус в мировой политике» (*Status in World Politics*, T.V. Paul et al., 2014) статус определяется как «коллективная система мнений о положении конкретного государства в мировой таблице о рангах, а также о его ключевых атрибутах», в т.ч. о его «экономическом благосостоянии, военном потенциале, культуре и демографической ситуации». Считается, что статус складывается из двух основных элементов: «престиж» и «авторитет». Престиж основан на символическом признании места государства в некой иерархии, а авторитет – это общепринятое мнение о моральном праве конкретного государства на применение своего влияния и силы, а также на участие в решении широкого спектра вопросов, которые могут затрагивать его интересы.

Дилемма статуса – это ситуация, в которой некий игрок стремится к повышению своего статуса, с которым остальные игроки в принципе могли бы смириться, поскольку цена вопроса для их национальной безопасности вполне приемлема. Однако вместо этого они, в силу неопределенности в отношении истинных намерений претендента на повышение статуса, испытывают необоснованный страх перед его якобы агрессивными планами, и начинают соответствующим образом реагировать. Если вовремя не поставить диагноз дилеммы статуса, то последствия могут быть весьма тяжелыми; эскалация напряженности, гонка вооружений и даже открытый конфликт. Именно нерешенная дилемма статуса – т.е. отказ сторон признать престиж и авторитет друг друга – привела к росту соперничества между Россией и США в последние четверть века. При этом остаются возможности для решения этой проблемы

¹ [Михаил Троицкий](#) – доцент Московского государственного института международных отношений (МГИМО) и преподаватель программы IMARES в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Мнения, изложенные в данной статье, отражают исключительно личную позицию автора.

практически без ущерба для статусных устремлений и претензий обеих сторон. Такое решение, в свою очередь, поможет укрепить и расширить двустороннее сотрудничество.

Погоня за статусом в российско-американских отношениях

Автор понятия «дилемма статуса» именно ей [объяснял](#) резкий всплеск напряженности в отношениях между СССР и США в начале 80-х годов. С тех пор претензии на статус остаются одним из ключевых факторов российской политики на американском направлении. Москва стремится к символическому признанию своего статуса «супердержавы». Что еще более важно, она стремится к признанию Западом легитимности российских интересов по широкому ряду международных вопросов, а также к готовности западных стран учитывать эти интересы в своей политике.

В рамках требований признания своего «престижа» и связанных с этим эмоций в политике Москвы, в частности, присутствуют следующие элементы:

- По мнению Москвы, Запад должен выразить ей признательность за то, что она согласилась прекратить холодную войну;
- Запад не должен ставить под сомнение легитимность различных аспектов российской политики;
- Россия желает символических мероприятий, призванных подчеркнуть ее «равноправное партнерство» с Западом – например, двусторонних встреч на высоком уровне между российским и американским руководством;
- Наконец, Россия с явной ревностью относится к международным союзам и организациям, где ведущую роль играют страны Запада, и стремится переманить на свою сторону потенциальных новых [членов НАТО](#) и ЕС.

Говоря о ревнивом отношении Москвы в отношении Западных альянсов, дискуссии на тему о том, [обещал](#) ли Запад или [нет](#) воздержаться от расширения НАТО на восток, тоже имеют в своей основе соображения статуса. С нынешней точки зрения принятие всех членов Организации Варшавского договора в НАТО оставляет Россию в символическом положении стороны, проигравшей Холодную войну. Это воспринимается в России как пощечина и Горбачеву, и всем пришедшим ему на смену политикам, которые стремились разделить с Западом статус победителей в холодной войне – или по крайней мере статус стороны, которая наравне с Западом только выиграла от прекращения этой войны.

Государства обычно стремятся укрепить свой «престиж», чтобы их руководство могло чувствовать себя на равных с иностранными коллегами (обычно из самых влиятельных стран). Кроме того, руководство может получать знаки уважения и почтительного отношения со стороны иностранных коллег, поскольку такие знаки помогают укрепить внутривнутриполитическое положение руководства в собственном государстве. Некоторые исследователи [утверждают](#), что именно нежелание или неспособность Запада в достаточной мере признавать «престиж» России обычно вызывает чувство сильного раздражения в Кремле и даже заставляет его подозревать, что против него на Западе плетутся тайные интриги.

Тем не менее одним лишь неудовлетворенным стремлением к международному признанию «престижа» конфликт статуса объяснить невозможно. Символические аспекты статуса серьезный конфликт спровоцировать [не могут](#). Соображения престижа начинают играть важную роль только тогда, когда на кону поставлены и более серьезные вопросы – например,

формирование широкой нормативной основы миропорядка или взаимное признание великими державами сфер интересов друг друга.

В российско-американских отношениях ныне сложилась именно такая ситуация. «Обида» Москвы на Запад обычно достигала своего пика в те моменты, когда США и их союзники помимо символических признаков «неуважения» предпринимали реальные шаги, подрывающие российские интересы – например, развертывали системы вооружений или принимали военные доктрины, которые в Кремле воспринимались как реальная угроза.

В начале 1980-х годов и двадцать лет спустя, в начале 2000-х, таким раздражителем послужили американские планы развертывания системы ПРО (которые могут подорвать роль ядерного оружия, являющегося важным символом статуса для России). Аналогичным раздражителем стала разработка средств нанесения моментального парализующего удара по противнику – например, ракеты среднего радиуса в Европе или высокоточные ракеты дальнего радиуса с неядерными боеголовками. В последующие годы российские опасения подстегнула доктрина солидарности (использованная Западом в Югославии) и политика смены режимов (испытанная в Ираке и Ливии, а также – как в этом твердо уверена Москва – примеряемая Западом на Сирию и даже саму Россию).

США, в свою очередь, стремятся получить признание Москвой своей роли «учителя демократии» и гаранта безопасности государств, не стремящихся к статусу «великих». Российские попытки поставить эту роль США [под сомнение](#) лишь подстегнули взаимное раздражение и подозрения относительно истинных намерений противоположной стороны.

Как преодолеть дилемму статуса?

Некоторые из авторов вышеупомянутого труда «Статус в мировой политике» полагают, что ведущие мировые державы иногда могут удовлетворить амбиции стран, претендующих на более высокий статус, без ощутимого ущерба для собственной безопасности, устоев миропорядка или сложившейся международной иерархии. В рамках этой логики для того, чтобы преодолеть дилемму статуса, США и России следует искать пути для подобных компромиссов, не требующих существенных уступок в сфере безопасности.

Наиболее широкие перспективы для удовлетворения претензий Москвы на более высокий статус открываются в двух областях: региональная роль России и контроль над ядерными вооружениями. Однако для США было бы сложно признать за Россией право на особый статус на постсоветском пространстве или отказаться от развертывания системы ПРО, не подорвав при этом доверие к НАТО и не тормозя развитие собственных оборонных технологий.

Еще две сферы, где претензии Москвы на повышение статуса можно было бы удовлетворить с помощью США – это киберпространство и Арктика. Даже просто начав официальные переговоры с Россией на тему поведения государств в киберпространстве, США таким образом признали бы наличие у нее сопоставимого с американским потенциала в данной сфере. При этом начало подобных переговоров не создало бы каких-то особых политических сложностей для Вашингтона. Однако серьезным препятствием здесь является полное отсутствие взаимного доверия, усугубляющееся такими недавними эпизодами, как публикация взломанной хакерами электронной переписки руководства Демократической партии США в июле 2016 года. Пока что между США и РФ подписано лишь одно соглашение от 2013 года об общей терминологии в сфере киберпространства. Кроме того, обе страны внесли свой вклад в единогласно одобренный доклад Межгосударственной группы экспертов ООН об информационных и

телекоммуникационных технологиях (2015 г.). Хотя оба этих документа важны, они явно недостаточны в качестве символов признания равноправия России и США в формировании норм поведения в киберпространстве.

И США, и Россия имеют обширные территории в Арктике, поэтому Россия может претендовать на равный с США статус в переговорах по данной тематике. До введения международных санкций Москва считала Арктику ключевым регионом, где проявится синергия между ее собственными природными ресурсами и передовыми западными технологиями. Такая синергия в России считалась одним из компонентов «большой сделки» с Западом, заключения которой Москва давно добивалась. Однако американское признание российских претензий на более высокий статус в данной сфере затрудняется тем, что Вашингтон в принципе не придает особое значение проблемам Арктики и не хочет активно участвовать в соответствующих переговорах.

В свою очередь, Москва, возможно, упускает возможность помочь США в удовлетворении их собственных статусных претензий, отказываясь признавать авторитет этой страны в сфере демократии и построения рыночной экономики. [Признание](#) за США статуса единственной мировой сверхдержавы и в целом конструктивной роли Америки в мировой политике для Москвы совершенно не означало бы потерю каких-то ценных партнеров на международной арене – скорее наоборот, оно помогло бы ей приобрести новых. Вашингтон придает большое значение символическому признанию собственного статуса другими ведущими державами. Очередное доказательство тому – [широкое освещение в американских СМИ](#) произнесенной в на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г., реплике Владимира Путина, признавшего США единственной мировой сверхдержавой.

В прошлом символическое взаимное признание высокого статуса противоположной стороны не раз позволяло России и США укрепить взаимное доверие и продуктивно сотрудничать по ключевым вопросам экономики и безопасности. Не вызывает сомнений, что публичная позитивная оценка Путина, данная Джорджем Бушем-младшим в июне 2001 года, стала фактором в принятии Путиным решения помочь американцам в ходе их кампании по свержению режима талибов в Афганистане. А мощный символизм политики «перезагрузки», объявленной Вашингтоном в марте 2009 года, внес ценный вклад в успех переговоров по сокращению ядерных вооружений, а также в российско-американское сотрудничество в ходе переговоров по иранской ядерной программе.

Сложности удовлетворения статусных претензий

Несмотря на наличие возможностей для удовлетворения претензий России на повышение международного статуса, для полноценного их использования остаются серьезные препятствия. Можно проводить аналогии между дилеммой безопасности и дилеммой статуса, однако их преодоление требует разных подходов. Дилемму статуса решить проще, поскольку, как правило, существуют возможности отказать претенденту на повышение статуса в удовлетворении его претензий, не прибегая к реальной эскалации в виде гонки вооружений или провокационных шагов.

Российские попытки подтянуть свой статус к американскому уровню сталкиваются с целым рядом препятствий. Во-первых, чтобы вынудить партнеров признать высокий статус России, Кремлю часто приходится идти на рискованные маневры. К примеру, Москва попыталась выстроить «стратегический альянс» с Китаем и пошла на военное вмешательство в Сирии на стороне Башара Асада во многом для того, чтобы заставить Запад больше с собой считаться.

При этом такие шаги не были слишком провокационными, поскольку прямо не ставили под удар какие-то важные интересы США. Россия пытается доказать, что она является незаменимым игроком в сферах, представляющих интерес для США, и что имеющиеся у нее стратегические варианты не сводятся к игре на стороне США и американских союзников. Но как только российские партнеры – Китай, Сирия и Иран – осознали, что Россия стремится в значительной мере повысить собственный статус, они начали сомневаться в приверженности Москвы их задекларированным общим целям. И Пекин, и Тегеран, и Дамаск уклонились от попыток Москвы поставить их на службу российским интересам. Несмотря на многочисленные разногласия с Вашингтоном, Пекин не желает участвовать в конфронтации с США и не исключает достижения с ними в будущем взаимовыгодного компромисса. Иран в августе 2016 года демонстративно отказал России в постоянном базировании ее военных самолетов на своей территории, хотя до этого Москва объявила, что уже получила на это согласие Тегерана. Асад, в свою очередь, втянул Россию в бомбардировки восточного Алеппо в октябре 2016 года, что вызвало резкое обострение в отношениях между Россией и Западом (и, вероятно, вызвало продление санкций ЕС на очередные полгода).

Во-вторых, западным соперникам России оказалось на удивление легко создать серьезный дискомфорт для Кремля, полностью игнорируя все его попытки обратить на себя внимание. Начало переговоров с претендентом на более высокий статус само по себе является элементом признания такого статуса. Отказ от переговоров, наоборот, подрывает статус претендента. Подобная тактика игнорирования Кремля практически ничего не стоит западным странам, однако позволяет оказать на Москву психологическое давление, подталкивая ее к затратным, рискованным и не всегда рациональным шагам.

В-третьих, даже когда партнеры России выказывали готовность в какой-то степени удовлетворить ее статусные притязания, Москва обычно или не могла, или не желала четко обозначить масштабы своих претензий. Масштабы эти могут варьировать от чисто символических и скромных (начало двусторонних переговоров, проведение саммитов с западными партнерами), до практически неограниченных (признание за Россией права голоса по всем без исключения международным вопросам). Такая неопределенность вызывает противодействие со стороны партнеров игрока, претендующего на повышение статуса, поскольку они начинают опасаться, что Москва на самом деле стремится не к символическому статусу, а к реальному влиянию, несоизмеренному ее ресурсам и ответственности ее поведения на международной арене. К примеру, одной из основных целей вмешательства РФ в Сирии было повысить свой глобальный статус, представив себя в качестве ответственной великой державы, приверженной делу борьбы с запрещенным в России ИГИЛ. Однако коалиция во главе с США при президенте Обаме не желала признавать за Россией такое повышение статуса, отказываясь от сотрудничества по сирийскому вопросу. Запад и некоторые его союзники в регионе опасаются, что настоящая цель Москвы – под лозунгами борьбы с ИГИЛ уничтожить всех противников Асада, который после этого станет преданным союзником России (и Ирана) на Ближнем востоке.

В-четвертых, один из быстрых и верных способов удовлетворить острую "жажду статуса" – начать нарушать международные правила. Россия считает свою [способность нарушать правила](#), которые ей не нравятся, а также вводить свои собственные нормы и правила, важным атрибутом своего высокого статуса. Однако нарушение существующих правил вызывает более резкую негативную реакцию, чем попытки формирования новых. России пока не удается повысить свой статус за счет попыток создания новых нормативных структур – к примеру,

разработки международных норм поведения в космосе и киберпространстве. А когда Россия пошла по пути слома существующих правил в ходе конфликта в Украине, то реакция Запада оказалась более жесткой, чем ожидалось в Кремле.

Наконец, стремление к «престижу», которое является типичным элементом российских претензий на повышение собственного статуса, иногда может негативно повлиять на другие аспекты статуса. К примеру, членство в престижной международной организации повышает статус участника, однако необходимость соблюдения связанных с таким членством норм ограничивает свободу маневра. Если страна добивается членства в престижных международных клубах с целью повышения своего статуса, то ей нужно тщательно взвесить все "за" и "против", связанные с членством и соответствующими ограничениями.

Россия продемонстрировала моральную готовность к исключению из ряда престижных международных организаций, начиная рискованную кампанию в отношении Украины в 2014 году. Для Москвы «право» нарушать правила (как символ ее высокого статуса) оказалось более ценным, чем членство в "Большой восьмерке" или участие в работе Совете Европы. Кремль решил, что ограничения, связанные с членством в этих двух организациях, где доминирующие позиции занимают западные страны, перевешивают престижность такого членства. Однако при этом Россия придает неоправданно большое значение участию в работе институтов, которые не налагают на своих членов каких-то значительных ограничений, но помогают повысить национальную самооценку. К примеру, запрет на участие многих российских спортсменов в Летней олимпиаде 2016 года в Бразилии уязвил и возмутил Москву куда больше, чем исключение России из "Большой восьмерки" в 2014 году.

Заключение

Стремление повысить собственный статус играет видную роль в российско-американских отношениях. В постоянном соперничестве между этими двумя странами подобное стремление может иметь даже больший вес, чем традиционные соображения в сфере безопасности. Теоретически, возможности для взаимного удовлетворения российских и американских притязаний на высокий статус имеются. Однако на практике осуществить такие возможности сложно даже в тех сферах, где не затронуты существенные интересы ни России, ни США. Обе стороны предпочитают ставить препоны на пути противоположной стороны к повышению собственного статуса, иногда подталкивая ее таким образом к рискованному поведению. Это повышает вероятность серьезной эскалации напряженности и даже вооруженного конфликта.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org